

То, что они использовали знаменитого актёра Пэй Ваншэна в качестве подставки для ног, напугало всех присутствующих. Они быстро освободили его, окружили и начали массировать плечи и смахивать пыль.

Хао Ляньцин всё ещё держался за перила. Когда Цинь Цзюэ спрыгнул с последней ступеньки, он обнял его сзади. Молодой неопытный голос звучал сдержанно и глухо:

— Брат Цинь, ты меня напугал.

Даже если Цинь Цзюэ не улавливал внешних сигналов, он должен был это заметить. Он похлопал мальчика по голове:

— Всё в порядке, пора возвращаться.

Юноша неохотно разжал объятия. К счастью, вокруг царила такая суматоха, что никто не заметил этой странной сцены.

Все поспешили вернуться в зал. Те, кто не успел прийти, уже закончили подготовку сцены. К четырёх часам зрители начали постепенно занимать свои места.

Представление вот-вот должно было начаться.

Цюаньцюань, успокоившись, сам вызвался выступить на сцене. После того как все номера были безупречно исполнены, началась прямая трансляция сбора пожертвований.

Сначала поблагодарили всех пользователей сети за их вклад. На большом экране зала прокручивались имена каждого жертвователя — за целый час трансляции ни одно имя не повторилось дважды.

Затем пожертвования начали делать различные компании и знаменитости. Участники шоу «Возвращение к жизни» также внесли свой вклад, причём Цинь Цзюэ пожертвовал все свои текущие сбережения.

Некоторые хейтеры начали язвить:

— Так много шума из ничего? Всего лишь это пожертвовал?

— Посмотрите на других участников, а потом на Цинь Цзюэ. Без сравнения и не понятно!

— У хейтеров вообще мозги есть? Если у кого-то есть миллион, и он жертвует сто тысяч, а у кого-то всего сто тысяч, и он жертвует пятьдесят. Ты-то сколько пожертвовал? Месячную подписку?

— Девочки, не злитесь. Модераторы, заблокируйте их, чтобы эта грязь не пачкала наши глаза.

Наконец, в девять вечера трансляция завершилась. Все собранные средства были переведены на новый счёт, созданный командой шоу, с полной прозрачностью и отслеживанием использования средств в режиме реального времени. «Возвращение к жизни» представило идеальный результат.

Теоретически шоу на этом закончилось, но команда проявила человечность и предложила участникам два варианта: уехать сегодня вечером или остаться в особняке ещё на одну ночь, чтобы завтра снять прощальную вечеринку в приюте в качестве бонуса.

Об этом уже заранее сообщили всем участникам. Руководствуясь принципом «хорошее начало — хороший конец», даже несмотря на необходимость ехать из восточного пригорода в южный, никто не уехал раньше времени.

Несмотря на то что на этой неделе они практически не отдыхали, когда дети выступали на сцене, зрители волновались ещё больше.

Однако после окончания мероприятия какое-то странное возбуждение охватило их. По дороге обратно в особняк они не чувствовали сонливости и даже успели сыграть пару раундов в «Мафию».

Когда они добрались до особняка, было уже почти полночь. Все смеялись и шутили, возвращаясь в дом, совершенно не заметив, что двое тихо исчезли.

За особняком было тихо и спокойно. Праздник Чжэнь только что прошёл, и в ночной деревне начали раздаваться звуки насекомых.

— Брат Цинь, я случайно услышал, когда Юй Тин признавалась тебе в любви.

Лунный свет был настолько ярким, что завтра явно будет солнечный день. Высокий парень слегка опустил голову, на щеках появился лёгкий румянец. Его было трудно не полюбить.

— Брат... Ты говорил, что тебе нравятся... мужчины. Это правда? — Мальчик запинаясь. Его глаза сверкали ярким, обжигающим светом, в которых смешивались робость и ожидание. Это действительно не оставляло места для отказа.

— Да, правда. — Почему-то Цинь Цзюэ вдруг захотелось закурить. У него не было привычки курить — он просто умел, но даже в моменты сильного стресса не прикасался к сигаретам. Довольно странно.

— Тогда... Тогда как насчёт меня? На самом деле я с первой встречи начал к тебе что-то чувствовать... А потом это как-то вышло из-под контроля. Я... Я очень сильно тебя полюбил. Правда. — Голос Хао Ляньцина звучал торопливо, дыхание стало тяжёлым. Если бы ночь была тише, можно было бы услышать, как стучит его сердце.

Цинь Цзюэ терпеливо выслушал его, прежде чем медленно ответить:

— Спасибо за твои чувства. Но, Ляньцин, я называю тебя так, потому что всегда считал младшим братом.

— Ты очень талантлив, трудолюбив, умен. Ты замечательный парень, поэтому я забочусь о тебе, помогаю тебе. Возможно, это ввело тебя в заблуждение — за что мне искренне жаль.

Мальчик смотрел на него ошеломлённо, слушая самые мягкие слова, произнесённые с самым спокойным выражением лица — слова, которые были для него самыми жестокими.

— Тогда... — Прошло некоторое время, прежде чем Хао Ляньцин пришёл в себя. — Если ты сейчас не любишь меня, это ничего. Я просто хочу сказать... Можешь ли ты в будущем смотреть на меня как на потенциального партнёра?

Нельзя было не признать — искренность и пылкость этого мальчишки, будь это до встречи с Пэй Ваншэном, могли бы действительно тронуть сердце Цинь Цзюэ.

Но сейчас в его сердце не осталось места для кого-то ещё — ни малейшего просвета. Если он оставит хоть какую-то надежду, это будет несправедливо по отношению к Хао Ляньцину и неуважением к тому, кто уже занял его сердце.

— Прости, но нет. — Цинь Цзюэ вспомнил о нём, и даже взгляд его стал мягче. — У меня уже есть тот, кого я люблю. Я хочу прожить с ним всю жизнь.

Мальчик замер. В глазах промелькнуло удивление. Он не задумываясь спросил:

— Это учитель Пэй?

Цинь Цзюэ фыркнул, приложив указательный палец к губам. В глазах читалось неподдельное веселье:

— Это секрет. Я не могу сказать.

Мальчик обиженно поник, присев на корточки. Выглядел он крайне жалко:

— Брат Цинь, ты правда его очень любишь.

— Да.

— Уф... Сейчас не время хвастаться! Я только что пережил разбитое сердце! — Хао Ляньцин поднял голову, притворно сердито. — Это же первый раз, когда я искренне полюбил кого-то!

Цинь Цзюэ привычно потрепал его по голове, как большого золотистого ретривера.

Мальчик немного поныл, а затем попросил:

— Брат, уходи первый. Чтобы никто не заметил.

— Хорошо. Будь осторожен, не простудись.

Мальчик снова сжался в комочек.

Он действительно был милым.

Когда Цинь Цзюэ вернулся в особняк, остальные уже наигрались и разошлись по комнатам. Пэй Ваншэн как раз выходил из кухни, держа в руках стакан с горячей водой.

— Спасибо. — Цинь Цзюэ взял стакан, заметив, что пальцы Пэй Ваншэна были холодными. Неизвестно, сколько времени он провёл, подслушивая.

Продолжение следует.

— Ты что-то искал? — Чтобы проявить уважение и сделать вид, что не заметил подслушивания, Цинь Цзюэ слегка поинтересовался.

— Э-э... — Пэй Ваншэн, похоже, не ожидал вопроса и неуклюже ответил:

— Просто вышел попить воды.

— И отдал её мне?

— ...

За окном грянул гром, и в мгновение ока начался дождь. Похоже, команда шоу накопила достаточно добрых дел — удача была на их стороне. Обычно в Чжэнь всегда шли дожди с грозами, но в этом году они задержались и начались только после окончания мероприятия.

Мелкий дождик шёл меньше минуты. Капли становились всё крупнее, как камни ударяясь о крышу и навес, создавая громкий белый шум.

Цинь Цзюэ взглянул на дверь, держа стакан. Несмотря на то что дождь шёл уже пару минут, мальчик так и не вернулся. Возможно, он застрял под навесом.

— Хао Ляньцин всё ещё на улице. Я схожу за ним. — Он вернул стакан Пэй Ваншэну. — Ты иди принимай душ. Если проголодаешься, позже приготовлю тебе перекус.

Пэй Ваншэн медленно взял стакан. Он наблюдал, как Цинь Цзюэ взял зонт и вышел в дождь. Когда тот исчез в завесе дождя, в сердце Пэй Ваншэна стало беспокойно.

Разве он не говорил, что у него есть тот, кого он любит? Почему он тогда ушёл? Не мог бы он попросить меня?

У него действительно есть тот, кого он любит...

Пэй Ваншэн смотрел на стакан с водой, которая постепенно успокаивалась. Он чувствовал, как его сердце качается — пустое и тяжёлое.

Было немного больно.

Почему это его так беспокоит?

Какое ему дело до того, что у Цинь Цзюэ есть тот, кого он любит?

Но эта горечь была слишком явной — настолько реальной, что всё его сердце болело.

Они уже расстались, но он говорил о том, с кем хочет провести всю жизнь. Неужели он собирается вернуть его?

Он слишком сильно заботился о нём — настолько, что терял чувство меры.

Разум предупреждал его, что нельзя переступать границы, но он не мог перестать думать.

Не хотел, чтобы он смотрел на других.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16386/1483634>